

Людмила Александровна Брусенская

Профессор кафедры русского языка и культуры речи Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доктор филологических наук, профессор
E-mail: brusensk@yandex.ru

Элла Германовна Куликова

Профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор филологических наук, профессор
E-mail: kulikova_ella21@mail.ru

Квалификация оскорбления в контексте правовой культуры*

Аннотация: актуальность статьи связана с различным пониманием оскорбления в правовом и обыденном сознании, что осложняет квалификацию такого правонарушения, как оскорбление. Проблема речевого оскорбления и оскорбительности до сих пор не получила однозначного толкования. По мнению авторов статьи, ситуация не исчерпывается использованием вербальных средств как источника самого факта оскорбления; таким источником будет осознание адресатом оскорбленности. В контексте правовой культуры деабутизация инвективной лексики как характерная черта современной языковой ситуации актуализирует проблему «лингвистических преступлений». Одной из важных задач, лежащих в основе правовой культуры, является юридическая регламентация обценной лексики.

Ключевые слова: инвектива, вербальное преступление, оскорбление, понятие, факт, мнение, интерпретация, оценка, правовая культура.

Ljudmila Alexandrovna Brusenskaja

Professor of the Department of the Russian language and speech culture of the Rostov State Economic University (RINH), doctor of philological sciences, professor

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта № 16-04-00037.

Jella Germanovna Kulikova

Professor of the Department of humanitarian and socio-economic disciplines of Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, doctor of philological sciences, professor

Qualification of an Insult in the Context of Legal Culture

Annotation: *the urgency of article is connected with different understanding of an insult in legal and ordinary consciousness, which complicates a qualification of such offense, as an insult. The problem of verbal abuse and insulting still had not received an unambiguous interpretation. According to the authors, the situation is not limited to the use of verbal means as a source of the fact of abuse; such a source will be a realization by the addressee of being insulted. In the context of legal culture any detabooing of invective language as a characteristic feature of a modern linguistic situation actualizes the problem of “linguistic crimes”. One of the important tasks underlying the bases of the legal culture is a legal regulation of obscene language.*

Keywords: *invective, verbal offense, insult, concept, fact, opinion, interpretation, evaluation, legal culture.*

Юридическое определение оскорбления, по сути, является апелляцией к языковому чутью (ср. формулировки «грубая форма», «неприличная форма») носителей языка. Наличие в тексте грубо-просторечных, бранных номинаций и «неприличных, непристойных слов», которые нужны для того, чтобы оскорбление было признано юридически, совсем необязательно для создания перлокутивного эффекта оскорбленности адресата речи. Например, если вам зададут вопрос: «Вы сами писали диссертацию или заплатили кому-нибудь?» — то, естественно, он будет воспринят как оскорбление, хотя в нем не содержится никаких «неприличных» языковых единиц¹.

Как показывает анализ реальных конфликтов, связанных с оскорблениями, ситуация не исчерпывается использованием вербальных средств как источника самого факта оскорбления; таким источником будет осознание адресатом оскорбленности, т. е. лингвоэтическое восприятие, сознание адресата, который чувствует себя униженным и оскорбленным. Иными словами, решающим фактором квалификации вербального преступления является реакция адресата. Констатация факта оскорбления и степени психологического и морального ущерба от оскорбления — это функция лингвоэтического сознания адресата, оценивающего их с опорой на свои представления о нормативности (которые, в свою очередь, обусловлены целым рядом лингвосоциальных факторов).

Тем не менее чаще всего оскорбление связано с использованием особого обценного (инвективного) лексикона. А. В. Коряковцев и О. В. Головачева выделяют инвективную функцию «как специальную и специфическую, имеющую свои средства выражения, наряду с риторической, эмотивной,

¹ См.: Левонтина И. В. Оскорбление и смежные понятия в современном русском языке // Отечественные записки. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/otechestvennye-zapiski/06-2014/25550-oskorblenie-i-smezhnye-ponyatiya-v-sovremennom-russkom-yazyke.html> (дата обращения: 27.10.2017).

эстетической, фатической, номинативной, референционной и другими функциями языка»¹. Характерно указание на «цивилизующую» роль обсценизмов в диахронии: «...тот дикарь, который первый при выражении своей эмоции возмущения вместо удара булыжником употребил бранное слово, инвективу, положил начало цивилизации, а заодно и инвективизации языковой личности»².

Утвердилось мнение, что люди, занимающиеся интеллектуальными видами деятельности, воспринимают инвективное словоупотребление в качестве способа релаксации — умственной или речевой.

Чрезвычайно важно следующее положение: речь человека не является процессом, контролируемым полностью (что справедливо относительно эмоционально нагруженной речи: в экстремальных обстоятельствах наблюдается почти бессознательный рефлексивный характер использования обсценизмов). Именно это обстоятельство подчеркивают многочисленные анекдоты, в которых человек в экстремальной ситуации говорит подчеркнуто литературным языком, что и вызывает комический эффект. В ряде исследований анализу подвергается особая функция обсценизмов, отраженная в фольклорных жанрах, — функция оберега. Однако имеющие серьезные основания положения о позитивных свойствах «нижнего» пласта лексики не исключают того факта, что именно эти единицы фигурируют в многочисленных конфликтах, связанных с оскорблением.

С возрастанием роли государства в регулировании социальной жизни связан сдвиг в семантике при квалификации правовой нормы «оскорбление» по Уголовному кодексу 1996 г. от «речевого намерения» «Уголовного уложения» 1903 г. в сторону признания социальной опасности и противоправности данного деяния.

Проблема речевого оскорбления и оскорбительности до сих пор не получила однозначного толкования по многим причинам. Во-первых, не всегда принимают во внимание то влияние, которое оказывает естественное право (*jus naturāle*) и благодаря которому меняется понимание оскорбления как негативного явления — вербальной агрессии, направленной против личности.

По-разному понимается оскорбление в правовом и обыденном сознании, что осложняет квалификацию данной нормы права. «Оскорбление — это травма, нанесенная достоинству, самоуважению, чести человека. Русский язык очень “щепетилен”, он располагает богатейшими возможностями для описания разного рода моральных травм. В нем проводятся тонкие различия между обидой, оскорблением, унижением. Он отличает издевательство от глумления. Он тщательно классифицирует травматичные ситуации, которых следует избегать, — тут есть целая серия слов — от *неуместно* до *западно*... Обида — довольно специфическое, труднопереводимое слово, которому в европейских языках соответствуют

¹ Коряковцев А. В., Головачева О. В. К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права : межвуз. сборник науч. статей. Барнаул, 2004. С. 167.

² Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008. С. 47.

в основном слова, по смыслу близкие либо к “оскорбить”, либо к “ранить”... Оскорбление возникает тогда, когда задета честь, обида — когда задето чувство... Издеваться или насмехаться над человеком можно, используя любой повод, даже самый незначительный, лишь бы многократным повторением вывести человека из равновесия. Для глумления же подходит не любой повод: глумятся над тем, что человеку важно и дорого, что он бережно хранит в своей душе»¹.

На практике оскорбление перекалифицировано из преступления (уголовное право) в деликт (гражданское право). Сами лингвистические (лингвоюридические) способы диагностики оскорбления не систематизированы и не каталогизированы.

С позиций правовых или лингвистических задач оскорбление исследовали многие ученые. Эта проблема была неоднократно проанализирована с точки зрения этнокультурологических и лингвокультурологических особенностей формирования и функционирования инвективной лексики. Она многократно обсуждалась в трудах, связанных с судебными делами по защите чести, достоинства и деловой репутации. Детально проанализированы этнокультурологические особенности и фреймовые составляющие концептов «обида», «оскорбление», а также стратегии, в результате которых причиняется вред самоуважению личности при анализе концепта «самоуважение».

Целенаправленно обращались к принципам диагностирования оскорбления в текстах конфликтогенного характера при проведении лингвистической судебной экспертизы лингвисты, которые входят в Гильдию лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, а также ученые из лаборатории юрислингвистики (г. Барнаул и др.). Учеными исследовались оскорбительные слова, вовлеченные в широкий социальный контекст употребления языковым коллективом, конфликтные высказывания с точки зрения интерпретатора, наличие «преступного умысла» отправителя речи и оценки интенциональности оскорбительного текста, наиболее частотные стратегии и тактики, ведущие к нанесению обиды, издевке, дискредитации и оскорблению, и мн. др.²

Характерная для современной языковой ситуации детабуизация инвективной лексики актуализирует проблему «лингвистических преступлений», которые, безусловно, порождены уродливыми сторонами нашей жизни. Пятьдесят лет назад К. И. Чуковский писал: «Чтобы добиться чистоты языка, нужно биться за чистоту человеческих мыслей и чувств. Этого упрямо не желают понять многие из наших пуристов. Вместо того чтобы объединенными силами восстать против тех уродливых сторон нашего быта, которые породили уродливую речь, они в негодовании нападают на современных писателей, изображающих некоторые круги молодежи и правдиво передающих в своих повестях и рассказах их подлинную — “людоедскую” — речь. Они забыли мудрую пословицу: “На зеркало неча пенять, коли рожа крива”. Оттого-то так много у нас

¹ Левонтина И. В. Указ. соч.

² См. подробнее в десяти выпусках сборников статей под общим названием «Юрислингвистика».

чудаков, которые пеняют на зеркало, едва только они обнаружат, что в нем отражаются их низкие лбы и вульгарные челюсти! И не только пеняют на зеркало, но и набрасываются на него с кулаками»¹.

В результате восстановления института защиты чести, достоинства и деловой репутации в исследовательское поле юридической лингвистики попадают проблемы разграничения таких понятий, как «факт» и «мнение», «оценка» и «оскорбление», соотношение интерпретации и истинности. Проявления естественного языка получают юридизацию, и это является необходимым следствием того, что происходит, с одной стороны, канонизация естественного права носителей языка на свободу использования ресурсов родного языка, а с другой стороны, онтологическое понимание языка в качестве объекта правовой защиты. Одной из важных задач является юридическая регламентация обценной лексики.

Особую ценность имеют работы, в которых с помощью данных, полученных в ходе экспериментов и опросов носителей языка, типологического описания ситуации и сферы употребления единиц языка, а также частотности их использования, изучения традиций употребления в русской лингвокультуре, дается обоснование классификаций обценных слов по степени инвективности.

В настоящее время усилился спрос на рекомендации относительно того, как избежать правовых рисков. СМИ регулярно поставляют конфликтные тексты, а значит — нужны превентивные меры. Правовая оценка текстов — одна из самых актуальных задач современной лингвистики, превратившейся в междисциплинарную науку. Правовая квалификация текста (публичного выступления, медийного материала и т. п.) в качестве экстремистского — «задача нетривиальная, требующая обязательного применения лингвистических познаний не только в случаях использования специальных манипулятивных приемов речевого воздействия на аудиторию или камуфляжа ксенофобных высказываний, но и в случаях их прямого и однозначного толкования, включая тексты, иллюстрированные изобразительными средствами полиграфии, компьютерной графики, видео-, фонограммами и т. д.»².

По наблюдениям Т. А. Воронцовой³, распространенным способом имплицитного выражения негативного отношения к адресату является отсутствие идентифицирующей номинации, что ведет к «обезличиванию оппонента». В современном публичном пространстве применяются следующие методы: 1) использование обозначений по признаку пола: *Я хотел сказать вот этой уважаемой даме...*; 2) использование обозначений по профессиональному признаку: *Тут наш известный представитель телевидения выступает...*; 3) использование обобщенных номинаций (использование названия организации или сообщества, представителем которого является оппонент, вместо

¹ Чуковский К. И. Живой как жизнь // Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990 [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/chukovskiy_korney_ivanovich/zhivoy_kak_zhizn/read (дата обращения: 27.10.2017).

² Галяшина Е. И. Феномен судебного красноречия // Лингвистическая полифония. М., 2007. С. 703.

³ См.: Воронцова Т. А. Речевая агрессия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006.

имени собственного): *Сидящие напротив и СПС, и «Яблоко» проиграют эти выборы...* и т. п. Дело в том, что отказ от «идентификации» речевого партнера есть по сути понижение его значимости.

Использование высказываний с он-дейксисом в отношении оппонента свидетельствует о намерении отправителя сообщения игнорировать фактического реципиента, максимально дистанцироваться от оппонента, понизить статус оппонента в глазах окружающих, и перлокутивный эффект, который ожидается в этом случае, — подорвать доверие к мнению своего оппонента.

Коммуникативный дисбаланс достигается созданием обобщенных имплицатур: адресант полагает, что партнер по коммуникации не обладает «правом на речь», поскольку он не профессионален, не компетентен; не обладает должным авторитетом и сообщает неверную информацию, и потому не должен иметь права быть идентифицирован при помощи соответствующего обозначения. Как видим, трансляция этих смыслов речевому партнеру и массовому адресату может осуществляться имплицитно.

Для юридической лингвистики чрезвычайно важно распознавание скрытого призыва, иллюкутивная сила которого, как известно, может в несколько раз превосходить эксплицитно выраженный, открытый призыв. В качестве скрытого призыва может быть информация, которая подстрекает адресата к определенным действиям, формирует у него целенаправленное намерение или чувство необходимости совершить действие. Автор сообщения в скрытой форме программирует поведение адресата, нередко используя суггестию и манипулятивные приемы воздействия.

В отечественной лингвистике тема инвективного лексикона только в постперестроечные годы стала активно разрабатываться. Были высказаны идеи относительно полезных свойств инвектив и обцензизмов (их катартическая функция). Обращено внимание на тот факт, что непристойные инвективы исчезают последними и восстанавливаются первыми во время лечения афазии (что наталкивает на мысль об их особом месте в сознании человека).

Были предложены тематические классификации инвектив: интеллектуальные инвективы (*болван, глупец*); инвективы социоморального характера (*мерзавец, подлец*); визуальные инвективы (*урод, страшила*); политические инвективы (*расист, русофоб*); национальные инвективы (*хачик, чурка, жид*); сексуальные инвективы (*голубой*); зоо-инвективы (*осел, свинья*) и т. д. Проанализирована динамика многих инвективных обозначений (характерна история слова *жид* в русском языке «от Пушкина до наших дней»: слово *жид* означало «еврей» и не носило оскорбительного смысла. Сделаны наблюдения относительно социального статуса отправителей инвективных сообщений, например о том, что люди, для которых привычны инвективы *фифа* и *фраер*, в качестве оскорбления не используют такие слова, как *конформист* и *дилетант*¹.

В связи с оскорблением одной из важных тем является использование этнических оскорбительных кличек, которые в эпоху острого межнационального и межконфессионального противостояния особенно часто становятся источником не просто неэкологичного лингвистического поведения, но приводят

¹ См.: Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002. С. 237.

к серьезным преступлениям (наряду с оскорблением, это разжигание расовой и межнациональной ненависти и экстремизм). Далек от политкорректности слова типа *узкоглазые, косоглазые*. Вообще отрицательная оценочность многих номинаций, используемых в отношении представителей желтой расы, детерминирована исторически. Слово «азиат» еще со времен Куликова поля у нас ругательное (В. Астафьев). Атрибут *черные* в русском языке чаще означает не представителей негроидной расы, а выходцев из кавказских республик:

– В «Метелице» была как-то вечером с подружками по профессии, и подкатился один. Знаешь, там кругом все черные...

– Негры?

– Да нет, кавказцы. Ну, на этом фоне он мне показался приличным человеком. Хотя, конечно, криминальный товарищ, но не шестерка... (Вл. Новиков «Роман с языком»).

В этом же значении используется иронический эвфемизм *брюнеты*:

Как только разоружили бандитов, так милиция вернулась к своему обычному занятию — ловить брюнетов (В. Шендерович «Бесплатный сыр»).

Предельная степень неполиткорректности и сниженности (пейоративности) заключается в таких словах, как *звери, зверьки* — в отношении уроженцев Средней Азии, Кавказа, Таджикистана, а также словах *чурка, чучмек*. Т. Толстая в рассказе «Политическая корректность» пишет: «Слово *чурка* еще обиднее, чем *чучмек*: предполагает тупость, дубовые мозги (я вот умный, а они все тупые)»¹. К подобным употреблением применимо наименование «вербального преступления», которое все чаще используется лингвистами и экспертами. Однако внимание к феномену вербального преступления, характерное для последнего времени, не привело пока к созданию единой концепции: отсутствует однозначное понимание этого явления (более того — отсутствует единообразие терминологии, что затрудняет предметно ориентированное общение). Причина — в сложности и неоднозначности, происходящей от самого объекта исследования, связанного с речедейательностным аспектом коммуникации, с трудностью определить истинные цели высказывания и перлокутивный эффект коммуникативных ходов в конкретной ситуации общения.

Из-за слабой изученности инвективного функционирования языка и принципов его соотнесенности с правовой сферой «лингвистические преступления» чаще всего остаются безнаказанными, а инвективные конфликты — не разрешенными. Это происходит в результате несистематизированности и неразработанности вопросов, связанных с инвективной стороной языка, отсутствием регламентации инвективной лексики с точки зрения лингвистики права, а также отсутствием правовых, юридических механизмов, которые могли бы учитывать одновременность и стихийность естественного языка и правовые нормы.

¹ Толстая Т. Политическая корректность [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/tolstaya_tatyana/politicheskaya_korrektnost.html#0 (дата обращения: 27.10.2017).

Сегодня сформировались новые самостоятельные дисциплины, такие как лингвоконфликтология, которая имеет полное основание быть базовой дисциплиной, объединяющей язык и право на глубинном уровне. Другая область — это лингвистическая экспертология, сформировавшаяся как итог теоретического осмысления различных лингвоюридических экспертиз. Расширение контекста лингвистического и его нацеленность на внешнюю прагматическую ситуацию, на когнитивные процессы, психологические, социокультурные правила и стратегии понимания и порождения речи обуславливаются не только значимостью названных явлений, но и кардинальными изменениями социального заказа в современных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия : автореф. дис ... д-ра филол. наук / Т. А. Воронцова. — Челябинск, 2006. — 48 с.
2. Галяшина, Е. И. Феномен судебного красноречия // Лингвистическая полифония. — М. : Языки славянских культур, 2007. — С. 687–709.
3. Дмитриев, А. В. Смех. Социофилософский анализ / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. — М. : Альфа-М, 2005. — 591 с.
4. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2002. — 333 с.
5. Коряковцев, А. В. К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики / А. В. Коряковцев, О. В. Головачева // Юрислингвистика-5. Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права : межвуз. сборник науч. статей. — Барнаул, 2004. — С. 168–188.
6. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций / В. И. Шаховский. — М. : Гнозис, 2008. — 414 с.

References

1. Dmitriev, A. V. Smeh. Sociofilosofskij analiz [Laughter. Sociophilosophical analysis] / A. V. Dmitriev, A. A. Sychev. — M.: Al'fa-M, 2005. — 591 p.
2. Galjashina, E. I. Fenomen sudebnogo krasnorechija [Phenomenon of judicial eloquence] // Lingvisticheskaja polifonija. — M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. — P. 687–709.
3. Karasik, V. I. Jazyk social'nogo statusa [Language of social status] / V. I. Karasik. — M.: Gnozis, 2002. — 333 p.
4. Korjakovcev, A. V. K probleme invektivnogo funkcionirovanija jazyka i leksikograficheskogo opisanija ruskoj invektivnoj leksiki [To the problem of invective language functioning and lexicographical description of Russian invective lexics] / A. V. Korjakovcev O. V. Golovacheva // Jurislingvistika-5. Juridicheskie aspekty jazyka i lingvisticheskie aspekty prava: mezhvuz. sbornik nauch. statej. — Barnaul, 2004. — P. 168–188.
5. Shahovskij, V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij [Linguistic theory of emotions] / V. I. Shahovskij. — M.: Gnozis, 2008. — 414 p.
6. Voroncova, T. A. Rechevaja agressija: avtoref. dis ... d-ra filol. nauk [Verbal aggression: author. dis. ... doc. philol. sciences] / T. A. Voroncova. — Cheljabinsk, 2006. — 48 p.